№ 5

СМЕХАЧ

АПРЕЛЬ 1924 Ленинград, Просп. 25 Октября, д. № 114, кв. 17. Тел. 1-77-60 ЦЕНА 25 КОП

БРАК ПО ЛЮБВИ

Пуанкаре добился в палате признания присоединения Бессарабии к Румынии, вопреки воле населения Бессарабии...

Рис. А. Радакова

— Повенчайте нас, святой отец! Мы так любим друг друга!

Предсто и Зампредсовнаркома Каменев произносит речь о высоких качествах журнала „Смехач" и о необходимости подписки на него. Снимок сделан корреспондентом „Смехача" в Москве, возле редакции „Гудка", 1-го апреля тек. года

НЕ ЗАХВАТ, А КРАЖА

Я люблю во всем точность и ясность. Особенно нужна точность и отчетливость в таких серьезных и важных документах, как дипломатические ноты. Я собираюсь написать тов. Чичерину письмо следующего содержания:

„Уважаемый товарищ! Вашу телеграмму к мосье Пуанкаре, от 15 го сего марта, я прочел с большим удовольствием. Хорошая телеграмма! Есть и содержание — и темперамент. И написано хорошо—сжато, ярко Но вот, есть у вас одна, по-моему, очень досадная неточность. Вы пишите: „Правительство СССР протестует против... *акта захвата* Румынией Бессарабии". В этих двух подчеркнутых мною словах— „акта захвата" — и заключается, по моему, неточность. Ибо, ведь, — припомните! — Румыния не захватила, а *украла* у нас Бессарабию. Да, да, да! Украла. Вы слышите? Кража, а не захват. Я на этом настаиваю"...

Захват и кража — не одно и то же. Захват, это—с оружием в руках... Это—ну, как Польша, например. Польша на счет захватов первое государство в Европе... Маленький налетчик—вот Польша... Был я как-то на днях в угрозыске, знакомился, беседовал с преступниками, — это очень интересно. И вот, представьте себе, мальчонка, совсем еще молокосос, щенок, маленький, худенький, — в чем только душа держится! — сопляк, на вид не больше 14-ти - 15-ли лет, в действительности — 17. Он — налетчик-рецидивист. Револьверник. Стреляет — больше для „впечатления", но, если случится убить, он убьет. „Убил бы, если-б пришлось?" —спросил я его. „Отчего же не убить?" — ответил он чрезвычайно простодушно...—Вот это—Польша... Налет. Захват. Аннексия. Желиховский. Корфанти. Мемель. Виленщина. Верхняя Силезия.

Кража, это—трусость. Трусливая жалкая подлость. Кража, это когда плохо лежит, никто не видит... Скажем, у вас в доме смятенье. Скажем, драка, скандал. Люди кричат, галдят,—оголтели люди, тяжёлые вещи в воздухе летают. Вы всецело поглощены дракой, вы забыли, что в незапертой кладовой у вас хлеб и вино. И вот, проходит мимо вор, видит: в доме—кутерьма, а в кладовой — хлеб и вино, и не заперта кладовая, — он — вор то — хвать! и давай бог ноги.. Это — Румыния.

Была у нас революция. Была война. Было смятение Мы были захвачены водоворотом гигантским. Нам не до того было. Не успели запереть Бессарабию. Не доглядели. Плохо лежало, никто не видел — и вот,—украли у нас хлеб и вино...

Но в международном обиходе это делается совсем не так, как в житейском уголовном обиходе. В житейском уголовном обиходе вор бежит, прячется, боится попасться. В международном обиходе вор, первым д лом, спешит огласить, оформить и узаконить кражу. „Вот, я украл,—кричит вор, – давайте, составим протокол". И собирается вся шайка—матерые, маститые старые воры—собираются на торжественное заседание и начинают произносить речи о праве и справедливости. Так оформляется кража. „Господа! — говорит самый главный вор, почтенный, седобородый, лысый, с орденами и медалями на груди,—господа! Вот Румыния взяла Бессарабию. Вы думаете, для чего это она взяла? Может быть, вы думаете: она захватила? Нет, господа. Не захватила, а из гуманитарных соображений взяла, „во имя права и справедливости"... Дело, видите ли, оказывается, вот в чем: вор, проходя мимо вашей незапертой кладовой и увидев там хлеб и вино, подумал:

— А ведь стянут, обязательно стянут. Никого нет, плохо лежит—стянут. Давайка-ка, я возьму это к себе — на сохранение, чтобы не стянули.

Румыния взяла Бессарабию на хранение из гуманитарных соображений, — чтобы, не дай бог, не захватил кто...

Кража в целях предотвращения кражи.

Но вот, прошло время, у нас все успокоилось, улеглось, смятение кончено, дом приведен в порядок,—мы говорим:

— А ну-ка, сосед, отдай нам наш хлеб и наше вино,—ведь ты только на хранение взял, из гуманитарных целей, обещал вернуть...

Вор... да какой это вор! — воришка мелкий, сопляк, воришка-сопляк теряется,— ай-ай-ай, что делать! И сейчас, конечно, к старшему, главному, маститому, матерому вору,—к главарю:

— Пуанкаре, защити...

А Пуанкаре — мужчина такой невозмутимый,—давно уже этим рукомеслом занимается, опытный,— наглый мужчина, смутить его, сконфузить никак невозможно. Выступает Пуанкаре важно, торжественно, величественно—лицо у него такое (вы заметили?) среднее между жуликом и благообразнейшим профессором теологии, — важно, торжественно, величественно выступает вперед Пуанкаре:

— Тсс... Что за шум!.. Во имя права и справедливости... Я дарю Румынии Бессарабию...

И при этом—великодушнейший, благороднейший жест...

Это я вам своими словами, вкратце, изложил бессарабскую историю — не на дипломатическом языке, а на простом, житейском.

А. Меньшой

ПОТОП ПЕРЕД ПОТОПОМ

Рассылаются циркуляры. Вырабатываются инструкции. Препровождаются отношения. Фиксируются программы. Собираются сведения. Намечаются меры...

(К предстоящему половодью)

Зима была в России ныне
Люта, сурова и долга,
И посейчас—блестяще сини—
Безмолвно, как пески в пустыне,
Лежат сугробные снега.
И—как и прочая Европа—
Пред неизбежностью грустны,
Не половодья, а потопа
Мы ждем с пришествием весны.
Снега растают. Льды разбухнут.
И в явь кошмары претворя,
Ручьи и реки бурно вспухнут
И разольются, как моря.
Снеся соломенные крыши,
Сорвав погостные кресты,
Вода зальет, вставая выше,
Плотины, дамбы и мосты.
Подмочит склады Центротопу,
Зальет дорогу к рабкоопу:
— Я до всего-мол доберусь!

И приготовиться к потопу
Спешит хозяйственная Русь.

Воде нельзя давать поблажки!
И вот—стоустые гонцы—
Летят бумаги и бумажки
Во все края и все концы.
За циркуляром—отношение,
За отношеньем—циркуляр...

И в каждом — натиск, раж
и рвенье!
И каждый—резок, крут и яр!
—Принять—изъять—учесть—
устроить—
Оформить и предостеречь!
Призыв: старания утроить!
Приказ: хозяйство уберечь!
Совет: не пожалеть отваги!
Заданье: целить прямо в лоб!
Текут бумажки и бумаги—
Бюрократический потоп!

Зима в России и Европе
Была сурова и долга...
Но—может-быть—сойдут
без топи
Луга одевшие снега?
Потоп — он будет иль не
будет...
Но сверху еле видных троп
Уже на воды воды грудит,
Журчит, гнусавит, рядит, судит
И всю горячность к делу студит
Бюрократический потоп!

Дни половодья очень близки,
Но правда все-ж нам дорога:
Ах, никогда от переписки
Еще не таяли снега!

А. д'Актиль

„ОСТРОВ ПРОШЛОГО"

„*Женщина из кафе*". — *Нравы парижской улицы! Последние модели Парижа! Захватывающий сюжет! Вход 40 копеек!*".

Аршинные плакаты.

И аршинные Мишка-папиросник и Колька-газетчик, пробравшись в освещенный зал, разочарованно дергают носами:

—„Халтура! Смотреть не на что!."

Что они понимают,—эти последние модели Лиговки и Моросейки?!..

У вас есть 40 копеек? Есть?

Тогда купите лучше 2 апельсина.

А 40 копеек за вход пусть заплатит Иван Антонович.

Вы его, конечно, знаете?

Иван Антонович, или Антон Иваныч Рабен. Просто: Рабен. Служит в тресте. На анкетах пишет „сочувствующий", а в глубине письменного стола хранит визитную карточку: корона, а под нею—„Иван Антонович фон-Раббен". Два *б*.

Спросите его:

— Для чего он хранит эту бумажку?

Он ответит: „Для. . образца".—И при этом загадочно улыбнется.

Он ждет, видите-ли. И в терпении ему никак уже нельзя отказать!

Если встретит на улице Ниночку, машинистку из Сорабиса, у которой брат женат на двоюродной сестре коммуниста, он спросит таинственно:

— Ну, что?

— Ничего,—неопределенно ответит Ниночка. — В общем—хорошо. Хотя так себе...

— Гм...—подмигнет Иван Антоныч.—Я не про то. . Вы там в сферах вертитесь и ваш бо-фрер... Что нового в политике?

— Да ничего особенного. Вот денежная реформа проведена, потом конференция какая-то собирается,—кажется, молоковедов.. Потом еще дрова очень подорожали. Но в общем — хорошо. Меня перевели в 17 разряд!..

— Гм... А скоро конец?

— Чему?

— Да им, конечно! Большевикам! Вон заграничные газеты пишут: Петроград и Москву взяли!

— Как взяли?—пугается Ниночка.—Кто?!

— Очень просто. Как города берут. Пришли и взяли.

— Ах, это! — догадывается Ниночка. — Смешно право! Мы сами здесь живем!..

— В том-то и дело: живем, а ничего не знаем! Замечательно!

Не добившись ничего от Ниночки, он идет к Ольге Борисовне Блондовой.

Ольга Борисовна только что чистила картошку и руки у нее шершавые, как язык у кошки. И ноготки в трауре. Но Иван Антоныч с чувством целует у нее ручку и бормочет, захлебываясь:

— Графиня! Как ваше самочувствие? Что нового?

— Рьян-де-бон! кисло улыбается Ольга Борисовна, обтирая руку о передник.—До сих пор я была домашняя хозяйка, а сегодня управдом мне преподнес сюрприз: я—вые-ву—свободная профессия! Либр профессион!.. Это значит—2 рубля за сажень! А если на метры это—разоренье!.. И я на метры не умею. Когда я была в Смольном...

— Вы были в Смольном? Когда?!

— Господи! Но я кончила Смольный! 37 лет тому назад!..

Иван Антоныч уходит грустным. Все, все продались большевикам! Даже эта святая женщина—графиня, которая еще в 19-ом году клялась, что пока в город не войдет Юденич, она не проглотит ни одного куска... И что-же? Она проглотила больше кусков, чем у Юденича было солдат...

Иван Антоныч плетется по улицам и читает над воротами доски, которые забыли поснимать:

— „Дом княгини И. В. Абмалек-Лазаревой"... „Дом гр. Шувалова"... „Дом барона Фредерикс"... „Дом князей Зорницких"... Точно кладбище!

Но он улыбается. Такое веселое кладбище...

И вдруг—огни.

Саженные плакаты. Девицы с семячками. Вход 40 копеек.

Иван Антонович отдает 40 копеек и отыскивает укромное местечко в уголке зала. На экране мигает так, что он начинает чувствовать приступы морской болезни...

Мигают графини, графы, лакеи, похожие на камергеров, и камергеры похожие на лакеев, салоны, будуары, банкиры, камеристки, шофферы...

„Остров прошлого".

Иван Антоныч забирается на этот остров и уходит в свои думы:

— Княгиня Рита так пламенно, так страстно влюблена в гордого сына щедрого миллиардера Друка! Как он целует ей ручку!.. А старичек камергер... Смотрите, смотрите! Как он бросает пальто на руки лакею!.. Эге! В нем чувствуются настоящая порода... Автомобиль... Ах, салон графини Пизор!.. Фраки, фраки, фраки... Но это декольте уже слишком... И что смотрит эта старая дурища Пизор!.. Господи, да у нее сейчас свалится с плеч платье... Э!.. Хоть бы кто-нибудь ей сказал!..

— Манька! Этот самый, который лорд Друк—любовь с ею крутит? а?.. На нашу Клавку похожа, только прыщей нет!

Это шепчут за спиной Ивана Антоныча... Он вздрагивает.

„Остров прошлого" исчезает.

А, выходя из кинематографа, он слышит:

— „Московски-известия! Выпуск новой партии серебряных денег! Китай признал Советскую Республику!.."

Губы Ивана Антоныча кривятся в болезненную улыбку:

— Чтоб он сдох, этот Китай!

Но ведь позади у него есть „Остров прошлого"...

Когда я вижу плакат с „женщиной из кафэ", —я знаю: она нужна.. Ивану Антоновичу фон-Раббен.

Ибо—„каждый человек должен иметь место, куда бы ему пойти"..

Э. Гард

БЕЗ ОТВЕТА

— А ловко французы разрешили бессарабский вопрос?

— Ну, это еще вопрос!

КОМУ ЧТО ДОСТУПНО

Рис. В. Козлинского

— **Рекомендую эту вазочку, гражданин. Не дорого-с: девяносто два рубля... Пайщикам кооператива скидка 10%..!**

— **Гм!.. Я, знаете, взял-бы, пожалуй—одну скидку...**

Рис. Б. Антоновского

СВОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

— Пей, кормилец, не сумлевайся. Слыхать, нонче замест вашего брата трахтеры ладят... А только не верю я. Скажем, заместконя — конский тра́хтер. Да.. А, например, замест курицы как? Неужли куриный тра́хтер, например, яйца класть способен?! Ой-ли?! Брешут собачьи дети!

ЛЮБОВЬ НА РАБФАКЕ

Есть на свете целая каста удивительных людей, так же непохожих на нас, — простых смертных, дряблых и неспособных к жизни, — как не похож кусок стали на крахмальный клейстер...

Это — рабфаковцы...

— Знакомьтесь: товарищ Кочергин, товарищ Махоткина.

— У вас удивительно знакомое лицо. Мы, наверное, где-нибудь встречались?

— Ну, как же? Помните, мы прошлую зиму ездили на пятую версту грузить дрова?

— Да, да, да! И меня чуть не придавило двадцатипудовым бревном.

— Мы тогда так испугались за вас!

— Ничего! Но эта поездка мне все-таки даром не прошла, — у меня как-раз были почти новые брюки, — я их купил по случаю всего лишь в 21-м году, — а когда я отскочил в сторону от бревна, — брюки — трррах!

— Бедненький... Но все таки на вас все свое. А вот у меня кофточка коммунальная с Лелей Галкиной, а туфли с Марусей Воробей... Если бы вы знали, до чего это неудобно.

— Неудобнее всего, когда обедаешь реже раза в неделю. А остальное — ничего.

— Ох, не скажите! Вот, сейчас, когда зима позади, так всего не чувствуешь, — а, ведь, у нас в комнате было три градуса.

— Счастливица, а у меня, как стало в ноябре — нуль, так нуль до апреля и продержался.

— Да... Но — три градуса мороза, а не тепла. Конечно, спать еще ничего, но учиться удивительно трудно при трех градусах. Только танцами и согревались.

— А вы любите танцевать?

— Как вам сказать — когда каждый день приходится танцевать из одного конца города в другой, да так, чтобы ни в одну лужу не попасть, — ужасно надоедает!

— А разве нельзя не танцевать?

— Что вы! Химию Дементьева я учу с товарищем Жуковым, а он живет в третьем общежитии, — а это три версты туда и три обратно. С физикой я хорошо устроилась, — ее я прохожу с Подмарчуками, это все таки в полчаса можно обернуться...

— А у вас собственные учебники бывали когда-нибудь?

— Один раз... и то во сне... Мне приснилось, будто у меня решительно все учебники и большая, большая полка марксистской литературы!

— Счастливица! А мне даже сны либо про подметку, либо про кашу снятся.

— Это оттого, что вы избегаете женского общества.

— Нет, отчего же. Я вчера еще мыл полы с тремя студентками.

— Я не в этом смысле.. Вам нужно... ну... влюбиться что ли...

— Когда же? На это нужно время. А я и то, чтобы обедать через день, — так загрузился работой, что здорово по геологии отстал.

— Приходите ко мне, я дам вам записки по геологии...

— Спасибо. А я вас за это устрою биллетершей на наш вечер, — чай будет бесплатно и вы можете выпить хоть пять стаканов. И чай — китайский!

— Что вы говорите! Милый, да я вас за это расцелую!

— Фффу... Как это вы горячо целуетесь...

— Вы не подумайте... Это я искренне... Вы сегодня ели лук?

— Целую головку. А вы откуда узнали?

Евграф Дольский

МОРЯКИ В НЯНЬКАХ

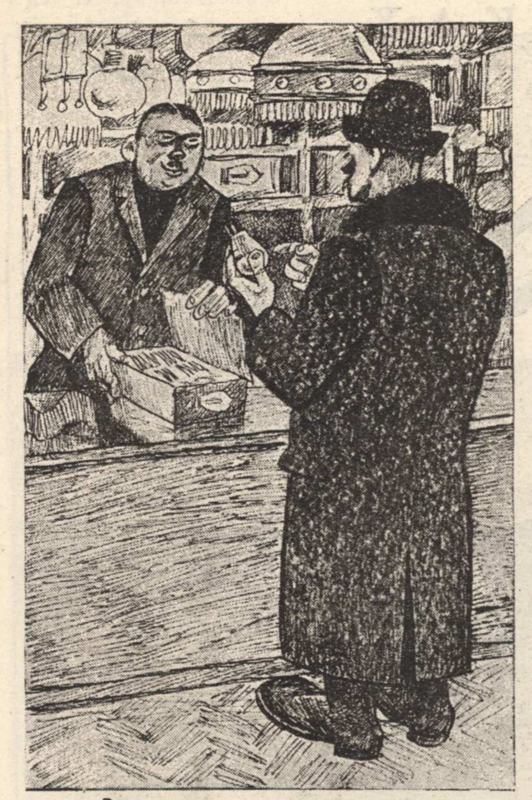
Военными моряками принято шефство над Петергофским Домом Малютки. На летнюю же кампанию за детским приютом будут закреплены два парусника: „Матц“ и „Таара“.

Рис. В. Лебедева

— Ишь ты! Не поспел уйти в плаванье, а уже течь дал...

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

— Это почему у частного торговца ей рупь-сорок-восемь цена, а вы рупь-восемьдесят просите?

— Надбавка, гражданин, на дороговизну. Последнее распоряжение.

КОГДА...

Когда волнуются смущенные державы,
И глас признания летит издалека,
И сладко щурятся заморские удавы
Под тенью фиговой стыдливого листка,—

Когда, последним погребен декретом,
Румяным вечером иль в утра час златой
Из кассы мне с прощальным фин-приветом
Совзнак сочувственно кивает головой,—

Когда „сребристый“ ключ, играя по Госбанку
И погружая мысль в валютный сон простой,
Являет мне советскую чеканку,
Суля вдали... червонец золотой,—

Тогда сгущается иных держав тревога,
Тогда расходятся полпреды по земле,
И ярче блеск послов в незыблемом Кремле
С Европой, падшей у порога...

Александр Флит

В СПАСО-БОЛВАНОВСКОМ, НА ПЯТНИЦКОЙ.

— Матушка-заступница, Варвара Лапшенница, что-ж оно такое деется? И неужто не возэрит царица небесная, не прогонит дурману?..

Тычется из угла в угол Глафира Карповна, бродит от двери к двери, слушает и крестится.

А на сердце кошки скребут, на душе метельная непогодь, в мыслях — катавасия непотребная, — и ничего не разберешь: что оно такое деется и скоро ли этому конец обозначится?..

Перед иконами зеленая лампадка теплится; трехпудовый Васька („сибирской квалификации“) на верху восьмой подушки бесконечную мурлычку ведет; на столе самовар блестит серебром и песнечает; маятник свое испоконное долбит: — „тик-так! тик-так!“. Все старое, привычное любимое...

За окном метель шкандалит, а у Глафиры Карповны печка теплая, теплая!.. Разбойники, в поле по большим дорогам мычутся, — а тут на окнах ставни железные; воры лютые в городе бегают, — а тут ничего: — чу! как „Цыган“ басовито лает, дом стережет...

А в доме беда!.. Конец пришел дому! Нет спасения... Нет исхода..

Подходит Глафира Карповна к двери направо, крестится и замирает. Щелкают счеты за дверью и сердитый бас „самого“ урчит надорванными форшлагами.

— 196 окстиллиенов, 139 квадриллиенов, 122 триллиена в червонном исчислении по курсу дня... 615 — в товарных да 728 в товарно-пассажирских... Тьфу ты, окаянная сила! Опять снова считай. 119... Тьфу! 196 октиллиенов...

— Тарас Стигнеич, батюшка, давай я те за-пазуху горчишник поставлю да бобковой мазью крылья натру! Тарас Стигнеич!..

— Сгинь! Пропади, нечистая сила! 196 октиллиенов в червонном исчислении по калькуляции...

— Самовар заглохнет сейчас. Семмой раз подогреваем. Тарас Стигнеич!..

— Чистого доходу 264 сексг.. секстиллиена да 385 ква.. квадриллиенов по товарным рублям... Тьфу! Вон!.. Не маячь перед квадрильеном, а то секстидлиеном так и долбану. Что? А? Вон! Сгинь! Опять сбила со счету. В червонных рублях по курсу дня... сик... сик.. секстилли... Тьфу!

— Ох! царица небесная, за что прогневилась, матушка? С ума спятил! Второй гильдии был, а такое загибает! Не будет ему прощения ни в этом свете, ни в будущем. Наполеён-то басурманином был, а Никтополиен и есть самый надо всеми анчутками главный.

Крестится Глафира Карповна у левой двери.

— ... „в пластическом отношении фиксируется конструктивный дефект. Протяжение руки в длинном арабеске кричит. Нет той округленной рельефности плеча, как этого хотелось бы в адажио общего рисунка. Бедра должны петь, между тем как у гр. Флоранс бедра только шепчут стакатто, оживляемые рефлекторной и пантомимной жестикуляцией, но без той музыкальной внутренней эманации пафоса“...

— Манечка, да попей ты чайку-то, замучилась ведь ты, родненькая...

— Маман, не мешайте! Я и так с ума схожу. „Рука должна коэфицироваться, живот должен петь, а не оживляться инстинктуальностью рефлекса“, особенно, в адажио. Это, маман, по вашему — рецензия? „Эротики нет!“ А что золотой портсигар ему подарили, да придется вот к акушерке итти, — это ему не коэфициент пантомимной жестикуляции? Ах, маман, не мешайте!

— Господи, господи! И что это такое будет? Живот, слышь, поет! Глисты у нее что-ли? Или ветерком, не дай господи, надуло?. И поговорить-то не с кем! Все враги, все неприятели, и в своей-то семье...

— Котангенс!..

Дверь прямо раскрывается. Сынок Глафиры Карповны ходит из угла в угол и рычит:

— Котангенс, будь ты проклят!..

— Митенька, окстись, какой он агенс... Васька он! Девять лет Васька! Вон он...

— Не мешай, родительница, так называемая мать! Мы видим таким образом... таким образом, что хорда равна удвоенному произведению радиуса на синус половины центрального угла, опирающегося на эту хорду. Если эта хорда есть сторона вписанного N-угольника, то центральный угол А равен 360 градусам, деленным на N. Таким образом...

— Митенька, что-ж тебе образа-то мешают что-ли?

— Родительница, замрите, засохните, застыньте, испаритесь, выветритесь!..

— Самовар семмой час кипит.. Щи совсем холодные...

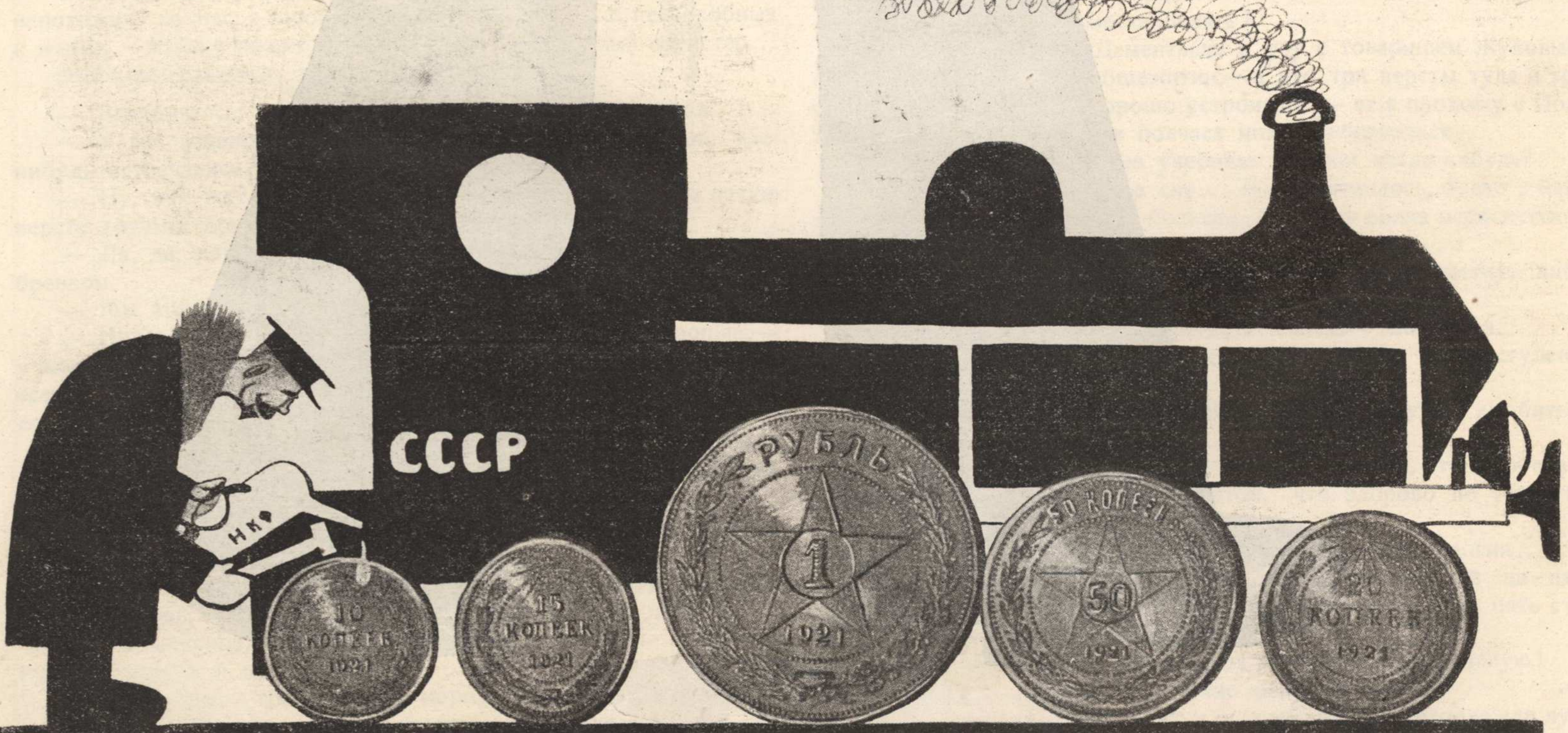
Садится к столу Глафира Карповна, тянет с блюдечка чай с малинным вареньем, а на сердце кошки, в душе мрак, а в голове — наполеоны, образа, поющие животы... Мука!.

Все пошло шиворот-на-выворот. Ничего не поймешь: про что говорят люди, о чем думают, что делают... Конец дому пришел!.. И нет никакой ни на что надежды...

И метель за окнами надрывается: — „у-у-у-у! конец приходит!.. И кот обреченно фаталистически вторит: — „у-у-у-умрррру! конец миррру!“ И „Цыган“ голосит истошно: — „конец миррру!

В ПУТЬ-ДОРОГУ

Рис. В. Козлинского.

Главный смазчик: — На рельсы мы уже седьмой год, как встали. Да все колес настоящих не было. Ничего! Теперича — есть.

Рис. Ив. Малютина

ХОЗРАСЧЕТ

На беспартийные конференции от деревень кре-тьяне часто идуг по наряду — в очередь. Некоторые даже берут за это плату. *(„Правда“)*

Рррy!“ И самовар вторит космическ м пертурбациям: — „и-и-и-и-их! ко-о-о-не-е-е-ец при-хо-о-о-о-оди-и-и-ит“!..

К восьми часам все собираются к столу. Сначала молча, деловито съедают щи, торопливо уничтожают кулебяку. На жаркое никто не смотрит, ватрушку швыряют прислуге, рыбное еле-еле ковыряют вилкой.

И каждый думает о своем, каждый живет по своему... Хоть бы словечушко бросили матери, хоть бы спросили что!

— Ну?..—отваливается от свежей икры „сам“ и переходит на семгу:— как у вас тут?

— Ох!..—вздыхает, но радостно оживляется Глафира Карповна:— да что-ж?.. Была седни мать Манефа. Дала я ей на молитвы за нас грешных два золотеньких. Трудно им, молитвенницам, стало. Ох!.. Кланяться велела земно...

— Ну и дура! По шеям накидаю, как застану, — помяни мое ты слово. Вдругорядь не приплюхает, лахудра ахвонская!

— Господи!.. Тарас Стигневич! Мать-то Манефу, молитвенницу-то?.

— Отчепись! Не скрипи! Не выводи из балансу! А вы?

Митенька смотрит на сестрицу и дает ей поднятием левой брови первое слово.

— У меня, папаша, дело хорошо пошло, — говорит дочка: — вчера я выступала в закрытом вечере эксцентрического балета. Полный фурор!

— Голая совсем работала?

— Ну! Совсем голая я буду в танце „Ундервуд“ и „Эскизе снегочаялки“. А вчера была в туфлях и пэнснэ.

— Ну что-ж,—давай бог!

— Деньги нужны на костюм, папаша.

— Евто какой-же костюм, ежели пенсне и туфли?

— О!.. Я проектирую нечто био-механическое: симплификация Бердслея в уклоне Гогена, но в динамичности раккурса мастфорского напряжения. Значит нужны: на прическу испанский платок, на левую грудь мушку, а на колено зеленую ленту. Это будет неожиданно броско! Десять червонцев.

— Жирно будет червонцами-то. Получай триллион восемьсот пивными этикетками. А у тебя как, Митрий?

— Да ничего. Перерегистрация, как будто. Так я в сапожники к нашему Захарычу устроился.

— Дай ему червяка, - пущай ловчее обучит.

— Насчет происхождения там чего-то еще хрюкали. В анкете два параграфа заполнять...

— Сапожнику два червяка дай: анженеру завсегда должно скрозь сапожный стаж произойти, потому советская наша власть. А насчет происхождения ты, Митрий, дугака не валяй, и из меня дурака не выкраивай. Евто тебе мандат али пустяковина? На, получай и не засти! Есть я теперь сторож лесопильного завода. Государственного! Бесперечь, выходит, должон на морозе, при всяком Реомюре и по третьему разряду. И ноне жалованье получил! Вона каракулевые письмена с цыфирью обозначены: 86 тысяч в деньзнаках 23 года. Бог даст—как-нибудь прокормимся.

Манечка блестит атропином в черных глазах и, стуча туфлей под столом, весело напевает:

„Шимми прелестен,
Шимми чудесен“...

Митенька нюхает с гусиного перышка белую хину и начинает маникюрить ногти. Тарас Лукич разговаривает сам с собой и благодушно шевелит толстыми пальцами. По щеке Глафиры Карповны скользит белая слезинка и падает на турецкую шаль.

— Нет семьи.. нет дома.. нет ничего от милого, дорогого, прошлого!.. Все что-то новое, нелепое, сумасшедшее... Тяжело!.. Горько!..

К 11 часам кто-то звонит. Горничная в накрахмаленной юбке пробегает через горницу. В передней зычный голос:

— А что,—виноват,—сторож с лесопилки, Тарас Стигнеев, тут живет? Дома?

Через минуту, горницей проплывает туша в сюртуке, с бакенбардами и портфелем. В передней снова звонок. Опять шорох крахмала. Жирный звонкий контральт:

— Сапожный подмастерье, мосье Стигнеев, дома... Ха-ха!

К Митеньке шуршит шелками, дыша морозным соболем, молодая дама в декольтэ и бриллиантах. Вдоль правой ноги юбка разорвана от пояса до низу, и нога блестит. Сзади дамы остается густая волна Коти.

— Ишь, штоб его: говорит и говорит.. Почитай уж целую неделю тянут!

— Видать, они поденно работают. А мы маху дали: сдельно нанялись.

В час к артистке, мадемуазель Флоранс, звонят три абсолютно лысых молодых человека.

И опять бродит Глафира Карповна по горнице, слушает у дверей и тихо плачет. Опять от „самого“ слышатся странные жуткие „наполеёны“ и „никтополиёны“; у Митеньки тихий шопот и богопротивные поступки, на глазах матери, а у Манечки гремит пианино и порой стучит каблучок по краям ковра.

Когда горничная открывает дверь, пронося кофе с печеньем, Глафира Карповна видит дочь свою в совсем непотребном виде, при чем у абсолютно лысых молодых людей на лбу резко обозначаются рожки...

— Навождение!.. Свят!.. свят!.. свят!..

Ходит всю ночь от двери к двери и тихо плачет старая мать...

Евг. Симбирский

В ПИКУ НЭП'У

Рис. Ив. Малютина

За 3 месяца тек. года советскими автомобильными заводами изготовлено 25 новых автомобилей.

— И говорят: классные автомобили!
— Классные — это бы ничего. К сожалению: классовые!

ТВЕРДАЯ ВАЛЮТА

Что-то мне не нравится, граждане, твердая валюта. Ничего в ней нету хорошего. Одно сплошное беспокойство выходит гражданам.

Скажем, — двугривенный. Звенит, слов нету, а положи его в карман — и поминай как звали; небольшая дырочка в кармане, и вывалилась ваша твердая валюта к ч ртовой бабушке. А потом лижи пол языком, надевай бинокли на нос, отыскивай.

А если валюта мягкая, то опять-таки ничего в ей хорошего. Одно сплошное беспокойство выходит гражданам. Ну, бумажка и бумажка, а присел за стол, сыграл в „очко“ — и нету вашей бумажки.

Не нравится мне такая валюта, не симпатична.

А уж если на такую валюту покупать пошел, то до того скучно, до того нету интереса, что и покупать не хочется.

Ну, пришел в лавочку. Приказчик этакий стоит с бородой, нож точит. Ну, здравствуйте. Чего, дескать, вам нужно? Ну, возьмешь обрезков, заплатишь в кассу. И все. И ничего больше. Ни покричать, ни поторговаться, ни на товар плюнуть. С приказчиком сцепиться — и то нельзя.

Эх, скучно! До того мне, товарищи, с этой теперешней валютой скучно, так и сказать нельзя. Я, товарищи, вообще иду теперь против капитализма и денежного обращения. Я стою за денежный порядок 18 года.

Тоже была там валюта. В роде володи. Если колечко или портсигар — твердая, если шляпа или штаны — мягкая.

А очень отлично было и хорошо.

Повезешь мужичкам штаны Выложишь им эти штаны, помахаешь в воздухе, зажмешь пальцем кой-какую дыру и пожалуйте, налетайте граждане, волоките в обмен припасы. Иной раз до того товару навезешь в город, что даже совестно, зачем деревню объегорил.

Конечно, некоторые граждане, может быть, скажут, что неудобно было с такой валютой — возня и неприятности. Это пустяки. Очень даже было удобно и хорошо. А что неприятности, то в любом деле бывают неприятности.

Была у нас одна неприятность. Это когда мы рояль везли Небольшой этакий рояльчик, но со струнами, с крышкой и с педальками.

А стоял этот рояль в пустой генеральской квартире. Что-ж, думаем, зря гниет народное достояние. И с разрешения нижних жильцов выперли мы этот небольшой рояльчик на свет божий. Ну, и повезли втроем.

Конечно, трудно было. Запарились. Пот льет, штаны прилипают, беда. Еле в теплушку вперли.

А народу смешно. Хохочут. Интересуются, куда музыку везем. А везем в Череповецкую, на масло.

Привезли в Череповецкую. Волок м в одну деревню. Не берут. Один мужик было взял, да в его избенку рояль не лезет. Уж мы и так и этак — никак. Хотели стенку разбирать — заартачился серый, не позволил.

И цену хорошую дает и рояль ему иметь хочется, а никак.

Я го орю:

— Ты, милый, не расстраивайся. Не лезет, не надо. Пущай во дворе стоять будет, на вольном воздухе. Еще и лучше.

Так нет, не хочет.

Я говорю:

— Не хочешь, не надо. Не расстраивайся. Можем мы тебе над рояльчиком навесик вроде беседки устроить

Нет. Боится, что корова пугаться будет. Не хочет — не надо. Волокем рояльку в другую деревню. В другой деревне опять беда — не лезет музыка ни в одну избу.

Стали совещаться — чего делать. Решили не оптом, а в розницу продавать — кому педали, кому струну, кому что.

Ничего, разбазарили.

А что неприятность, то неприятность после вышла. Когда вернулись, к ответу потянули.

А на суде выяснилось, отчего рояль в избу не влезал. Надо было ножки откручивать. Век живи, век учись.

Только вот и была одна неприятность с этой твердой валютой, а то все сходило чинно, чисто и благородно.

Хорошо было и весело, не то что с теперешней валютой.

Мих. Зощенко

ВЕСНА

Какой сегодня день здоровый!
Должно быть солнце где-нибудь,
Сорвавши снежные покровы,
Целует землю прямо в грудь.

Переменилось в мире что-то...
Когда выходишь на заре,
Скрипят по новому ворота,
Звучнее гомон во дворе.

Там дети—пестрые букашки—
Играют, вставши раньше всех,
В снежки, в солдатики, в пятнашки,
И звонок их задорный смех.

Резвятся псы, отдавшись пылу
Своих чувствительных сердец,
И ржет, почуявши кобылу,
Высоким ржаньем жеребец.

Ни оттепели, ни мороза.
Наполнен ранний холодок
Духами прелого навоза
И музыкой людских тревог.

Уже полны томленьем ночи.
Нетерпеливей по утрам
Спешат крестьянин и рабочий
К своим обыденным трудам.

И сердце знает, сердце слышит,
Хмелея будто от вина,
Что—шире свет, что солнце выше,
Что мчится буйная весна.

Дм. Цензор

ИЗ БЛОК-НОТА

СЛЕПОЙ

У аптеки с цветными шарами в окнах стоял рваный нищий и жалобно пел:

— Подайте слепенькому, подайте невидущему, подайте незрящему, граждане милые.

Минутку молчал — и снова привычно тянул. Ветер трепал непокрытые космы волос, а шапка дрожала в корявых, красных, набухших руках.

Плотный, солидный прохожий в кожаных ботиках прошел, оглянулся, вернулся, и долго копаясь в карманах, сквозь золотые очки взглядом сверлил лицо нищего.

— Какой ты слепой! Ты видишь, каналья!

Шапка в красных руках задрожала сильней:

— А что-ж если вижу, — значит и жрать мне не надо?!

РЕЗОН

Окраинной улицей ехали ассенизаторы.

Молодой человек сытой наружности в модном пальто, с дамой под ручку, остановился на мостовой, стремясь перейти на другую сторону улицы. Нетерпеливо крутил головой и дул в сторону, морщась от крепкого запаха. Дама запрятала личико в тонкий, душистый платок.

Бочки двигались медленно и обоз был на редкость большой. Молодой человек не стерпел:

— Да проезжайте скорей! Чорт вас носит тут днем! Дышать невозможно!

— А ты, гражданин... жри поменьше!

Вас Лебедев

В ХВОСТЕ

— В этих самых кирпиративах, говорят, и дешево и сердито.

— Главное, мать моя, сердито — приказчики так волками и смотрят!

ВЕЧЕРНЯЯ РАСПИСКА

„В пивных вводятся жалобные книги".

— Вы бы гражданин шли домой... Вы уж и так расписались.

— Погоди. Нне совсем еще...

ВАЛЮТНЫЕ НРАВЫ

— И пришел я, батенька, вчера домой немного в подпитии, а жена кааак отчеканит меня — даже в ушах зазвенело!..

М. И. КАЛИНИН

Рис. Ив Малютина

Вскоре исполняется пятилетие служения Калинина на посту всероссийского старосты. С особенным удовольствием помещаем его портрет. Приятного человека и рисовать приятно.

НОВОЕ О САМОЕДАХ

Рис. Б. Антоновского

Что журнал „Смехач“ имеет успех и усиленно раскупается в Твери и Благовещенске, Ярославле и Саратове, Вышнем Волочке и Пятигорске, Кашине и Ташкенте — это мы всегда знали и принимали, как должное. Хороший журнал — по заслугам и честь Но не могло не умилить и не тронуть нас письмо, полученное намедни из Нарыма.

— Хороший, бачка, журнал делаешь, — пишет самоед Иван Лопоухий, — получал твой журнал — много смеялся. Шаман читал — шаман смеялся. Олень читал — олень смеялся. Собака читал — собака смеялся. Один, бачка, не смеялся — который недавно в гости приехал, валютчик зовут. Почему не смеялся — никак мой не понимал Шаман думал — шаман не понимал. Олень думал — олень не понимал. Собака думал — собака не понимал. Скажи, бачка, почему валютчик не смеялся. Такой хороший журнал — все смеялся, он не смеялся..

А это мы вам, товарищи-самоеды, объясним. Потому, товарищи-самоеды, не] смеялся над „Смехачом“. валютчик, что „Смехач“ над валютчиком много смеялся и впредь смеяться намерен. И еще потому, что знает валютчик и вся валютчикова родня: рука у „Смехача“ такая-же твердая, как новая валюта, а уважение к паразитам столь-же пониженное, сколь новые цены. А от того и от другого валютчику и валютчиковой родне зарез.

Вам же, товарищи самоеды, удовольствие доставить, как говорится, „завсегда рады“. А чтобы „Смехач“ попадал к вам не в виде редкого исключения, а постоянно и неукоснительно, подпишитесь на него. Благодарить будете.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ ТАКИЕ

На месяц	— руб. 35 коп.	с газетой „Гудок“	1 руб. коп.
На 3 месяца	1 „ — „	с газетой „Гудок“	3 „ — „
На 6 месяцев	2 „ — „	с газетой „Гудок“	6 „ — „

Подписка принимается: в главной конторе газеты „Гудок“ — Москва, Солянка 12, Дворец Труда, и в Ленинграде — Проспект Володарского 53а, Книжный склад Ц. К. Ж. Д.

КАК ВЗГЛЯНУТЬ

Рис. Ив. Малютина

Тов. Агеев в „Правде" предложил предоставить 20% мест в Вузах представителям буржуазии..

— Ого! Норма в 20 процентов... Наши шансы повышаются!
— Наоборот, понижаются. Нас теперь без всякой нормы 50 процентов.

РАЕШНИК

Иной человек, кажись, и не глуп, а до какой степени невежда: ей-ей! не знает что́ такое — спец-тулуп и, вообще, спец-одежда!

Дозвольте, братцы, рассказать на манер доклада: как спец-одежду понимать надо; для вашего просвещения (сиречь — нарпроса) дозвольте сделать популярное освещение проз-вопроса.

Первым долгом, — спец-одежда и простая одёжа — далеко не одно и то же: одежу, — какая ни есть, — носят, а спец-одежду только *просят* (а ежли и получат, — обязательно бросят!)

Своя-то одежонка, хоть и худа, да все же — летнего фасону; а со спец-одеждой — беда: тулупы летом не по сезону.

А известно всему свету, — выдают их обязательно к лету.

Например, на станции Ржев, к общей усладе —

„111 пар валенок, 100 ватных телогреек и 100 ватных штанов" лежат аккуратно на складе.

А есть там какой-то УДР, — парнишка, словно Соломон, мудр:

— Выдам, говорит, еще, может, и в марте я, коль получится вторая партия.

А пока вторая партия получится — у рабочих от мороза брюхо пучится...

На станции Луганской прием тоже американский: спец-одежда лежит с ноября, в роде недвижимого инвентаря. Впрочем, — рабочим выдали, в утешение —

„распоряжение: *от выдачи воздержаться*"...

Как же тут, ребята, по родительнице не выражаться?!

Такова спец-одежда по моде Адама.

Теперчи ко второй категории перехожу прямо.

Во второй категории — веселые истории.

Например, дождались обнов на станции Балашов: выдали паровозникам шапки-невелички — ни почем не наденешь без привычки. Не токмо что голова, а и кулак лезет едва! А коли просунул кулак, — назад не вызволишь никак... Действительно, — *дали по шапке*!..

В этой беде нешто начальство виновато?

— Шапки — первый сорт, да... головы великоваты...

А на станции Харьков — большое смущенье через бабий ум (другого, привел бы в восхищенье такой спец-костюм) —

„уборщицам выданы *мужские тужурки и брюки*".

Аж с головы до ног морщится Марья Парамоновна, уборщица:

— Куда ж — говорит — мне эти штуки?! Не оберешься с ними греха... Хи-хи! да ха-ха!..

А какой же грех?! Штаны форменные, не без прорех; и прочее все аккуратно.

Эх-х-х!!..

До чего начальством быть неприятно!..

Особливо, ежли народ — сплошной невежда...

Теперь смекаете, ребята, — что оно такое — *спец-одежда*?

Иван Кузьмич

ЛИХА БЕДА — НАЧАЛО

— Подписался на крестьянский заем.

— Зачем?

— Мало ли что: а вдруг выиграю какую-нибудь сеялку.

— А дальше что? У тебя, ведь, земли только что в цветочных горшках...

— Ничего!.. Раньше сеялка, а потом и землица, потом семена, плуг, соха да борона, — глядишь: сельский хозяин!

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

РАЗВЯЗНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

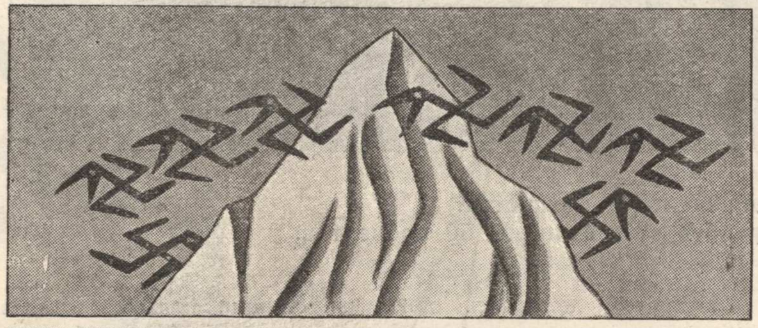
Рис. Карла Арнольда („*Simplicissimus*")

Пуанкаре (принимая развязный тон) — **Когда же ты проснешься, Америка?**

В БАВАРИИ

Рис. Э. Шиллинга („*Simplicissimus*")

Пока Гитлер на месте, воронье Кара может каркать беспрепятственно

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

НАСЧЕТ ЗУБОВ ИЗ „ПРАВДЫ"

Какие-то странные „Три зуба" появились в Московской „Правде". Вот вырезка из этой статейки:

> Но каменные стены монастырские, скрепленные железными балками, едкой известью выштукатуренные, то ли из-за своей ветхости, то ли из-за своей старости, то ли зрения лишившись, — но не устояли стены монастырские, и в келью монашескую пред горящими лампадками, при молчаливых свидетелях—развешенных на стенах архиереях, архимандритах, митрополитах,—выросла книжная гора.

До чего дожевались зубы: *гора выросла в келью монашескую.*

ПТИЧЬЕ МОЛОКО

Рецензент „Ленинградской Правды" (№ 61) пишет в музыкальном обзоре о концертах О. Фрида:

> **ЗАГРАНИЧНЫЙ ФАЛЬСИФИКАТ.**
>
> Германский дирижер Фрид, приглашенный в Ленинград для Бетховенского цикла и приехавший таким образом к нам, чтобы поразить нас своим дирижерским искусством, оказался не более, чем заграничным фальсификатом. Это обнаружилось особенно ясно именно в исполнении Бетховена, о который (?!) ломали *зубы и не такие птицы*, как Фрид.

Чтобы у птиц были зубы — это нам неизвестно. И, если имеешь зуб против Фрида, — то вовсе нет нужды приписывать его ни в чем не повинным птицам.

ЧУДЕСА ГАЗЕТНОЙ ТЕХНИКИ

Скучно, если одна и та же заметка печатается дважды, подряд.

Но смотрите, как она выигрывает, освежается, приобретает оттенок новизны, при внесении в неё некоторых самых несущественных изменений.

Вот уже вторично „Красная Газета" с успехом применяет этот способ „обновления" (см. „Тараканы в тесте", Смехач № 3).

„Красная Газета" (Вечерний выпуск) № 60:

> Вчера к гр. Рябинину, проживающему по Воронежской ул., *26*, кв 2 пришел в гости его знакомый. Выпив чай, они решили заняться музыкой. Один из них играл *на мандолине, а другой на гитаре.*
>
> В это время из внутренних комнат раздался выстрел. Прибежав туда, они нашли жену хозяина квартиры А. Рябинину лежавшей на полу в луже крови. Доставленная в больницу Рябинина скончалась. *В оставленной записке* она просит никого в своей смерти не винить.

„Красная Газета" (Утренний выпуск) № 61:

> Гр. Рябинин, проживающий в д. *№ 25* по Воронежской ул., за последнее время ссорился со своей женой. 14 марта к Рябинину пришел его знакомый. Приятели стали играть *на рояле и гитаре.*
>
> В это время в соседней комнате раздался выстрел. Вошедшие в комнату Рябинин со своим приятелем увидели жену Рябинина в луже крови. *Покойная не оставила никаких записок* и в последние минуты жизни просила у мужа „как-нибудь предупредить смерть".

Пожелаем газете остановиться, довольствуясь этим достижением. Ибо — дальше идти некуда.

НОВЫЙ ЯЗЫК

Наука открывает нам остатки древних народов, описывает их быт и составляет даже грамматику теперь несуществующих языков.

Газета „Красная Звезда" в Москве тоже открыла новый язык. Так и заголовок сделала:

> **— „Политработа на мусульманском и чувашском языках".**

Злые языки говорят, что „Кр. Звезда" это из тщеславия придумала, так как по русски говорить не умеет.

„ШЕФСТВУЮЩИЙ"

Из „Власти Труда" (Иркутск) —:

> Но мужики ошиблись и напрасно отплевывались.
>
> *Это был метереолог, шефствующий с Голоустинского маяка 28 янв. 1924 г. в Иркутск для представления своих отчетов.*

И, конечно, задаром отплевывались, приняв, с легкой руки „Власти Труда", бедного метереолога за *шефствующего.*

А чем же метереолог похож на иного шефа? Разве только тем, что не бывает в деревне.

ФОРМАЛЬНЫЙ ВОПРОС

— Что у вас на заводе практикуются обыски?

— Да, но что толку от них. Вот вчера еще обнаружили: спец один сумел прикарманить два стола и дюжину стульев.

ДЕЛА ЖИЛИЩНЫЕ

— Как вы тут умещаетесь?

— А ничего. Живем — душа в душу, потому 10 человек в одной комнате.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

(Адрес для корреспонденции: Ленинград, Проспект 25 октября, 114, кв. 17)

Владимир. Н. А. Куква. Можно ли писать в наш журнал?

Если талантливо,—можно. Посылать (даже талантливое) в несколько журналов сразу—не годится. Кстати, — доплатных писем ни одна редакция не любит. Мы — тоже.

Екатеринослав. Кохану.

> Молчала ночь... никто не знал,
> Как страстно он её ласкал.
> Она на ласки отвечала,
> И как естественно зачала.

Очень хорошо, если зачала естественно. Впрочем, это не по нашей специальности: обратитесь к акушерке, Стишки абортировали.

Большие Березники. Гуськову. О высылке вам „Смехача" сделали распоряжение.

Ленинград. Оборину. „Налаживание транспорта" длинно и, местами, так же не налажено, как описываемый вами транспорт.

Ленинград. Д. Бику. У вас есть данные. Пишите, но не аршинами—покороче. Избегайте неправильных ударений: „бра́вурный", „зано́во"...

Ст. Дно. С. Холявинскому. „Будет ли помещена вышеуказанная вещичка?"

Нет, не будет. Очень мы скромны и совсем переконфузились, прочитав, например, вот это местечко из ваших стихов „Смехач и падежи":

> Прочь святых! Долой затменье!
> Дань попам я не плачу!
> Лучше нету поклоненья—
> Поклоняться „*Смехачу*"!

Не хотим мы — в уголок, под лампадку, на место святых. Единственно, что разрешаем нашим поклонникам—почтить нас подпиской.

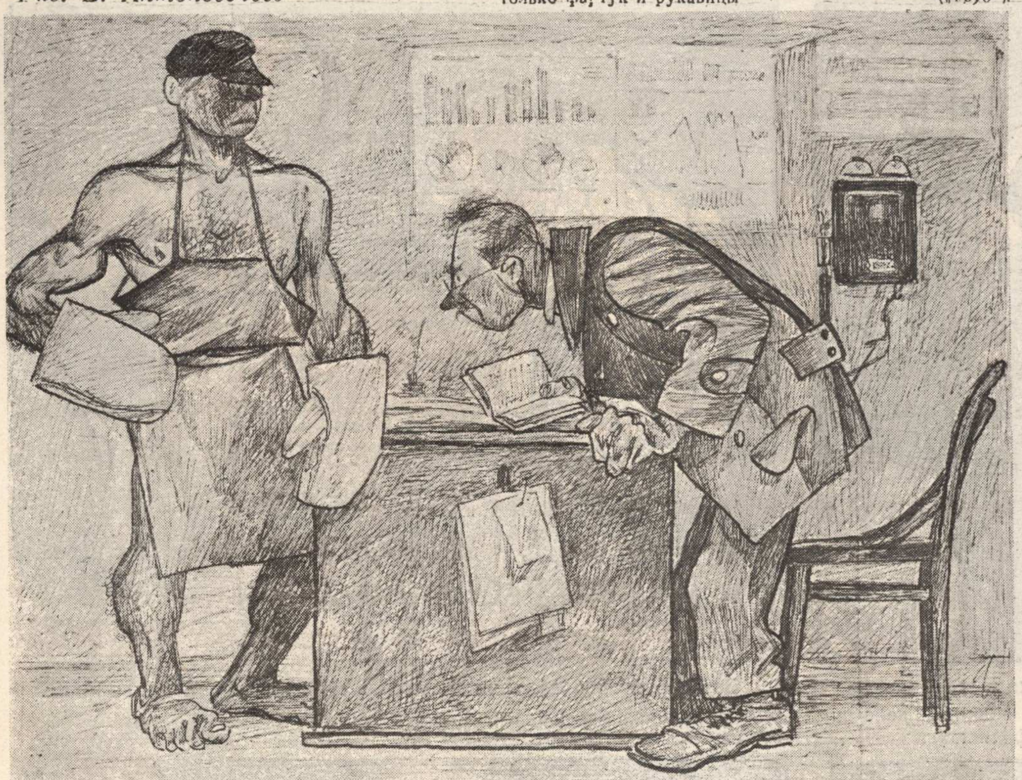
Пишите, Холявинский, что нибудь, не похожее на акафист.

Курск. *Мише К*. Будьте покойны. Стихи пойдут. В корзину.

ПО „НОРМЕ“

Рис. Б. Антоновского

В механической кузнице на заводе „Красный Пролетарий“ (б. Бромлей)—по норме Наркомтруда, полагаются только фартук и рукавицы (*„Труд“*).

— Рукавиц пара? Есть. Один фартук? Есть. Итого, проз-одежда вам выдана по норме полностью. Чем же вы недовольны, товарищ?

ПОСЛЕДНЕЕ СРЕДСТВО

Конференция епископов в Фульде (высшая инстанция германской католической церкви) угрожает всем рабочим, служащим и чиновникам, состоящим в вольных профсоюзах, отлучением от церкви.

— „Назад, глупцы! Назад, разини!
„Не то, отринув благодать,
„Порока, зла и тьмы в пустыне
„Мы вас оставим погибать!

„Не снидут к вам господни слуги
„Прикосновеньем белых крыл
„Стереть холодный пот натуги
„ И дать источник новых сил.

„И матерь божия в молитве
„Не припадет к ногам Христа,
„Чтоб спас того, кто в страшной битве
„Готов лишиться живота.

„И Саваоф к нему, как к брату...“
Но тут ворвалось в вихорь слов:
— А может увеличить плату
И дать нам отдых Савоoф?

Не может? Так какого чорта
Нам после гроба рай и тишь?

Рабочих правильного сорта
И Саваофом не прельстишь!

А. д'А.

НА ЧЕРНОЙ БИРЖЕ

— Знаете, он мне в морду дал!
— И вы взяли?
— Беру, когда ничего другого не дают.

ЖИТЕЙСКОЕ

— Здравствуйте, как живете?
— Благодарю вас, не по средствам.

СТОЛП КООПЕРАЦИИ

На одной конференции делегат сообщил о случае, когда кулак внес 200 паев в потребительское общество для того, чтобы прибрать его к рукам. (*Из газет*).

Небритый, с повязанной щекой, приказчик Ерыкин долго пыхтел, — наконец, положил толстый палец на крайнюю шашку и сделал ход.

— Так-с... — протянул заведывающий кооперативом „Осенние Мухи“ Пробка, шныряя глазами по самодельной шашечной доске: — Так-с...

Пробка сморщил лоб и поднял левую бровь, напряженно соображая, как бы вывернуться и не пропустить Ерыкина в дамки.

В эту минуту хлопнула дверь, и в кооператив вошел покупатель.

Пробка рассеянно скользнул по нем взглядом и снова уставился на доску.

Ерыкин сделал, было, движение в сторону вошедшего, но ему ужасно не хотелось покидать поле битвы в такой решительный момент

— Сжулит обязательно... — подумал Ерыкин про заведывающего.

К общему удовольствию, посетитель не спешил что-нибудь „приказать“ и молча оглядывал лавку кооператива.

Ничего не придумав, Пробка с остервенением съел подсунутую ему шашку, и Ерыкин, задыхаясь от ликования, сейчас же продвинул свою шашку в дамки и перевернул её брюхом вверх.

— Масло есть?—донесся до игроков голос посетителя.

— Нет масла... — буркнул неприязненно Пробка. — Погоди, чорт!.. Я твоей дамке шею-то сверну ..

— Воля ваша, Иван Палыч... — смиренно согласился с начальством подневольный Ерыкин.

Пробка брался то за одну, то за другую шашку и, наконец, решительно выдвинул переднюю.

— Ем-с... — возвестил Ерыкин, перепрыгивая через выдвинутую шашку своей дамкой.

Пробка позеленел от злости, оглядел посетителя, стоявшего в углу, возле полки с грудой коробок, и сухо сказал:

— Никакого масла нет. Зря дожидаетесь. Сказано, — нет!

— Вакса почём? — кивнул посетитель на полку.

— Вот чорт - прохлаждается! Двадцать копеек коробка... Ага! Вон вы куда, Иван Палыч!..

В следующее мгновение Ерыкин целиком ушел в доску, оценивая новый ход партнера.

Посетитель медленно обошел просторное помещение лавки и остановился возле игроков.

— Торговля тихая?—спросил он.

— Так-с... Насчет второй дамки — это ты напрасно! — не слыша вопроса, говорил Пробка: — Мы сейчас заслон сделаем...

— Воля ваша, Иван Палыч... А ежли так, я и скушать могу...

— Ишь занимаются! — хихикнул посетитель: — Видать, что тихая торговля, да и торговать нечем — зря эдакое помещение стоит... Ей-богу, зря!..

Пробка, сделавший опрометчивый ход, бешено поглядел на посетителя.

— Зря вы тут стоите сами! Вот что! Не покупаете, а...

— А чего ж тут купишь? Горчица, вакса — это мне не требуется...

— И без ваксы буржуазная морда блестит! — подумал Пробка, презрительно поворачиваясь лицом к доске. — Ежели ничего не требуется, — сказал он вслух: — не задерживайте, гражданин! Нечего в критическую дискуссию вступать... Ерыкин, делай ход!

— Постойте,—не унимался посетитель: —Я, ведь, по делу — насчет паев. Паи-то есть у вас?

Пробка насторожил слух.

— Паи есть. Как же! Паи то есть, а пайщиков мало! Хоть два пая берите!

— Беру двести паев. Про Кузьму Прыщалова слыхали? Это я самый

Пробка стремительно вскочил, роняя шашки. Ерыкин подобострастно замер.

— Слыхали-с... Как-же не слыхать?!. Скобяная торговля на углу Либкнехта... — лепетал Пробка. - Двести паев прикажете?.. Ерыкин, убери которые — шашки... Непорядок!.. Стулик гражданину Прыщалову!.. Позвольте вам сесть... Ерыкин!!! Смахни пыль со стула, не видишь?!.

Ерыкин метнулся, сорвал со щеки повязку и принялся поспешно обтирать стул.

— Вот она, настоящая-то дамка! — почтительно думал Ерыкин.

Ив. Прутков

СЛОН И МОСЬКА

Господа Пильняки проглядели рязанскую Авдотью. (*Л. Сосновский*).

Рис. Б. А.

— И как это я ее проглядел!?..

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский гублит № 4816. Типо-Литография „Красный Печатник“ Ленинград, Международный, 75. Тираж 40.000 экз.

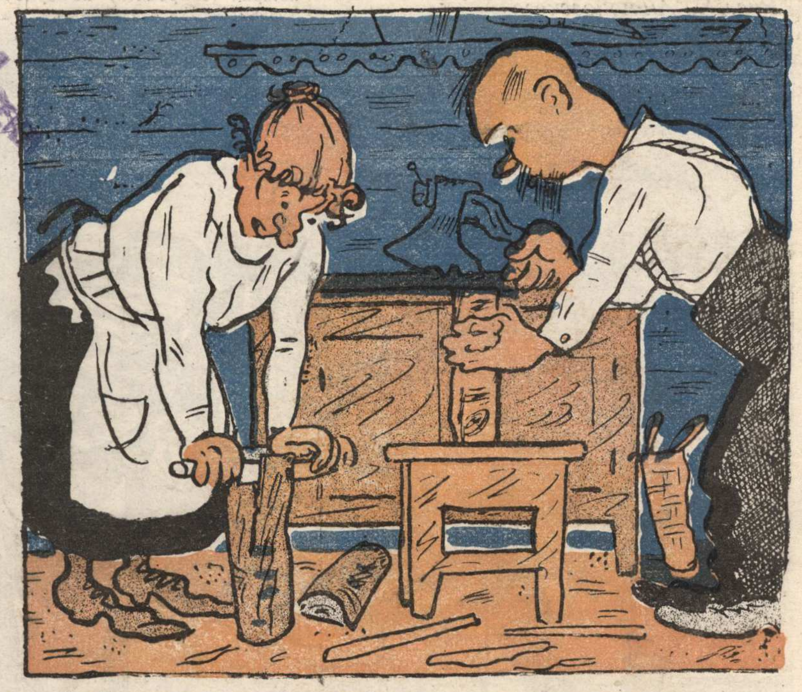
КАК ВКУСНО И СЫТНО ПООБЕДАТЬ

Рис. Н. Радлова

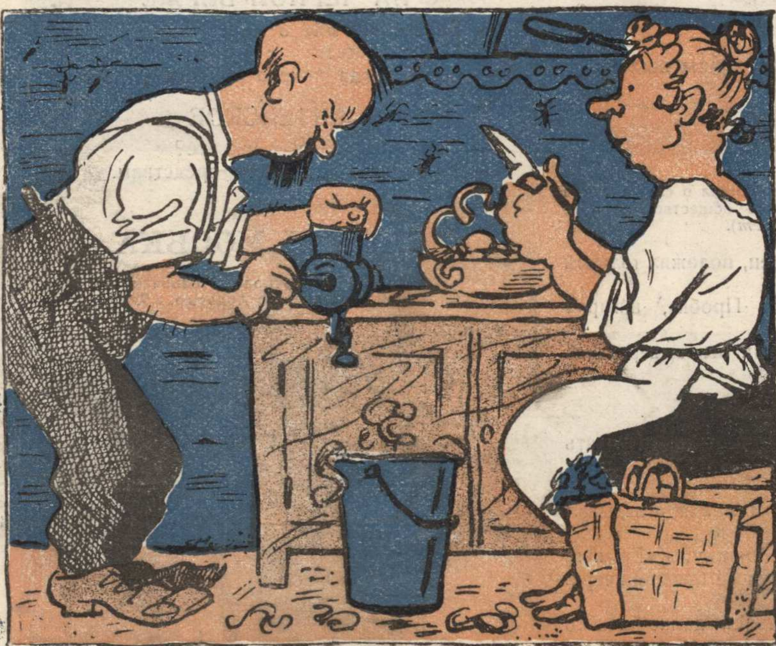
По Молоховцу образца 1924 года

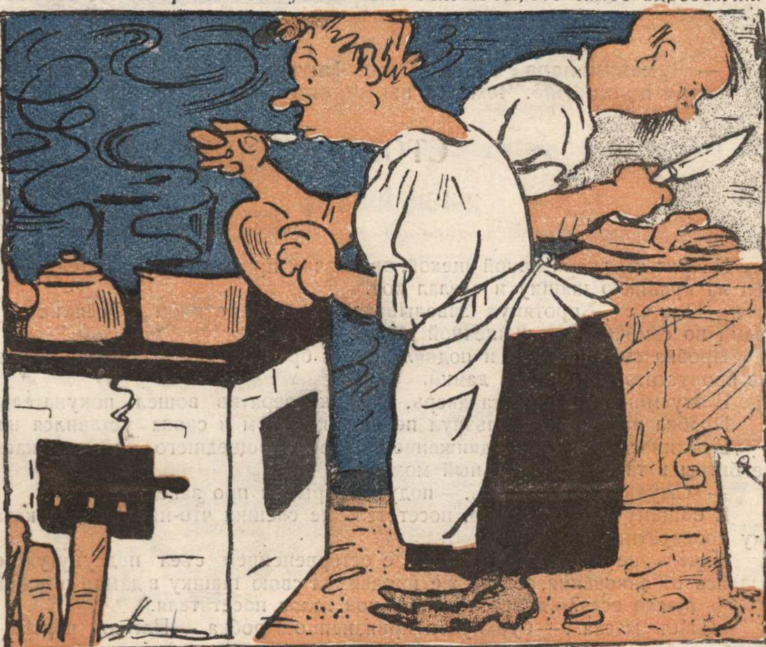
1. Провизию закупить самую свежую и доброкачественную:
— Не сумлевайтесь, барыня! Отродясь, не пахло... Уборная, действительно, по соседству—от ей вроде бы и тянет фальшью...

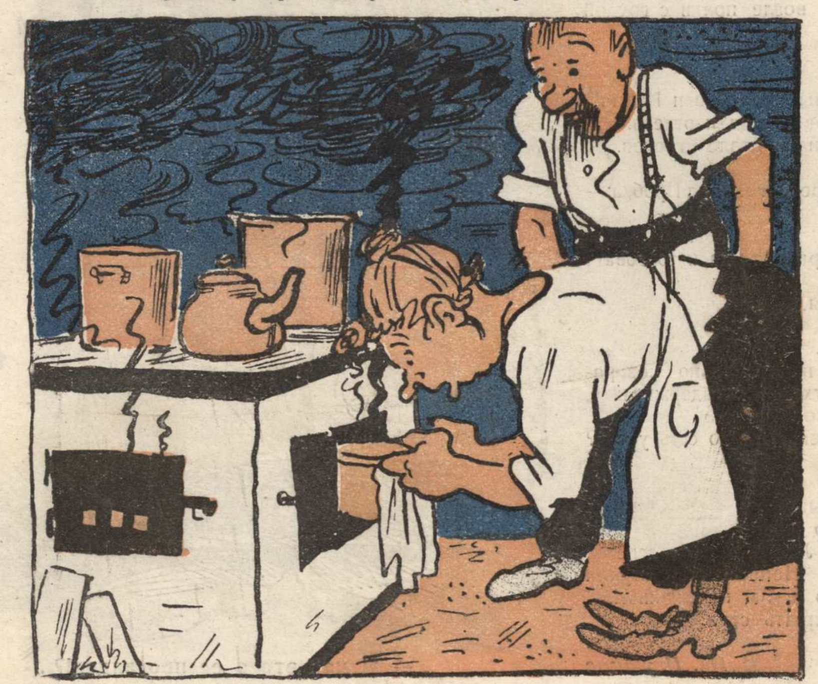
2. Озаботиться достаточным количеством топлива для плиты:
— Матерь божия! Не колятся, хоть ты что!
— Мне бы топор бы без зубьев бы..? Мигом бы, это самое вдребезги...

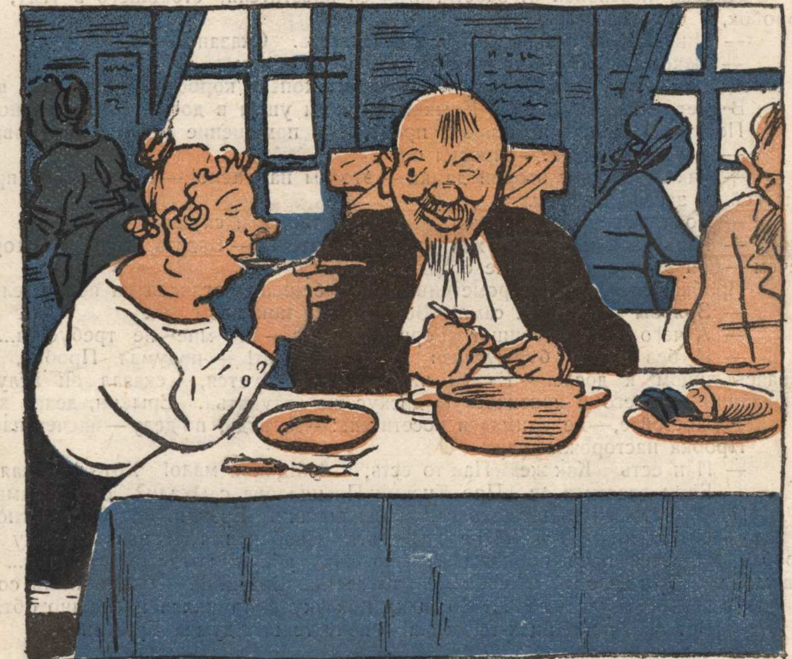
3. Продукты тщательно очистить:
— Хватит, что-ль, вертеть-то? Ф-фу! Штаны сваливаются, до чего довертелся!..
— Как два раза провертишь, тут сейчас и третий начинай...

4. Варить по вкусу
— Кажись, пересолила?! Так и есть! Это я два раза подсыпала...
— Стало быть, за день вперед... Хорошо хоть—не за неделю!

5. Вынимать, когда будет готово:
— Готово—подгорело!!! Едва отвернулась, и на-те вам!.
— Тысячу раз говорил тебе, ду...!!..

6. А потом пойти в общественную столовую и там пообедать:
... — Говорил тебе, душечка, что здесь и вкусно, и сытно, и уютно.
И, это самое.. штаны не сваливаются...